

КЛАССИКА ЖАНРА

·Д·Е·Т·Е·К·Т·И·В·

ЗАПИСКИ О СЫЩИКЕ

НАТ ПИНКЕРТОН И КРОВАВЫЙ АЛТАРЬ

Записки о сыщике

Сборник

Нат Пинкертон и кровавый алтарь

«Просвещение»

Сборник

Нат Пинкертон и кровавый алтарь / Сборник — «Просвещение»,
— (Записки о сыщике)

Нат Пинкертон – знаменитый американский сыщик, прототипом которого послужил гениальный Алан Пинкертон – сыщик, открывший первое в мире частное детективное агентство. Написанные в начале XX века, рассказы о нем пользовались бешеной популярностью, и в настоящий сборник вошли самые захватывающие и жуткие детективно-уголовные истории.

Содержание

Гнездо преступников под небесами	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Тигр соборного праздника	22
Глава 1	22
Глава 2	26
Глава 3	30
Глава 4	35
Кровавый алтарь	38
Глава 1	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Нат Пинкертон и кровавый алтарь

Гнездо преступников под небесами

Глава 1 Синий зонтик

В пасмурный осенний день 18... года по Бродвею, главной улице Нью-Йорка, шло двое мужчин, из которых один был до того смешон, что прохожие останавливались и с улыбкой глядели ему вслед.

Невысокого роста толстяк, лет пятидесяти, был одет в светлый, клетчатый костюм и красный, вышитый желтыми цветами жилет, с толстой золотой цепочкой.

На коротких ногах, упрятанных в сапоги с громадными голенищами, звенели шпоры, а на голове красовалась мягкая, широкополая шляпа. Лицо толстяка круглое, бритое, красное, говорило, что этот человек не знал нужды. В правой руке, унизанной дорогими перстнями, он нес невероятной величины зонтик, крытый синей, шерстяной материей, с необыкновенной ручкой, напоминавшей толстый конец дубины.

Владелец этого своеобразного зонтика, по-видимому, не замечал, что его синее чудовище привлекало насмешливые взгляды прохожих, и что порою слышались довольно насмешливые замечания.

Наружность другого мужчины не бросалась в глаза. Головой выше своего товарища, художавый, с бледным лицом, окаймлявшимся черной бородой, он был одет в простой, темный костюм, а в руке держал солидную трость.

Он и не думал потешаться над своим спутником, привыкнув к эксцентричностям приятеля, которого ценил и уважал.

Когда они дошли до Цедар-стрит, толстяк вдруг остановился.

– Стой, Джоэ Риджерс! – воскликнул он. – Вот мы и дошли! А чтобы попасть на Западную улицу, придется свернуть, вероятно, на запад!

– Правильно, Джон Сеймур! – ответил художавый. – На углу Цедар-стрит и Западной улицы находится тот «небоскреб», в двадцать четвертый этаж которого ты намерен подняться.

Они завернули на Цедар-стрит и вскоре дошли до цели.

Там возвышалось так называемое «Строение Западной улицы», одно из удивительнейших зданий, которых теперь в Нью-Йорке много и которые народ прозвал «небоскребами». Они строятся таким образом: сначала возводится остов из стальных и железных балок, высотой в несколько сот футов, а затем заделывается и облицовывается мрамором, гранитом, камнем или кирпичом.

В этих «небоскребах» нет жилых квартир; они сверху донизу заняты многочисленными конторами, в которые попадают при посредстве подъемных машин.

– Я подожду тебя внизу, Джон! – сказал Джоэ Риджерс, когда они остановились у подъезда.

– Хорошо! Да пройдем-ка вон в тот ресторанчик напротив! Я предварительно тоже хочу хватить рюмочку, и после зайду за тобой сюда же. А если дело состоится, то мы уже как следует воспрыснем его!

Джон Сеймур взял приятеля под руку и потащил на другую сторону улицы, в ресторан. У буфета они выпили по рюмке, а затем сели у одного из столиков.

Сеймур пошарил у себя в боковом кармане, достал номер «Вечерней почты», и ткнул пальцем в очеркнутое синим карандашом объявление, гласившее:

«Продаются:

две, красиво расположенные, фермы, в окрестностях Гундингтона, штат Пенсильвания. Цена умеренная, условия выгодны. Подробности у уполномоченного агента, Иосифа Гартона, „Строение Западной улицы“, 24-й этаж, комната № 224, в Нью-Йорке».

Джон Сеймур прочитав объявление, записал номер конторы агента Иосифа Гартона, затем сложил газету и сказал:

– Видишь ли, дорогой Джоэ, я ужасно рад, что снова сделаюсь фермером! Оно, конечно, весьма приятно, иметь вдоволь денег, ничего не делать и жить беззаботно. Но работать все-таки следует! Бездельничая целыми днями, является дурное настроение, недовольство и... видишь, уж я начал брюзжать! Когда же у меня будет ферма, я снова оживу, и ко мне вернется прежняя веселость и жизнерадостность!

Положив газету в карман он поднялся с места, заботливо взял свой зонтик и сказал:

– Думаю, что через полчаса я вернусь!

– Буду ждать, тебя! – ответил Риджерс и взял какой-то журнал.

Он посмотрел Джону Сеймuru вслед, пока тот не скрылся в подъезде громадного здания, а затем погрузился в чтение.

Так незаметно прошел целый час.

Риджерс взглянул на часы.

– Черт возьми! Прошел час с лишним, а Джон все еще не возвращается! Длинные же они там ведут переговоры.

Он потребовал еще кружку пива и, не отрывая глаз, смотрел на подъезд «небоскреба», у которого непрерывно толпился народ.

Его приятель, Сеймур должен был выйти оттуда с минуты на минуту.

Но минуты проходили, а Сеймур не появлялся.

Наконец Джоэ Риджерс расплатился, вышел из ресторана и стал ходить взад и вперед у подъезда, тщетно ожидая возвращения приятеля!

Он снова взглянул на часы. Прошло уже три часа с тех пор, как тот вошел в «Строение Западной Улицы».

«Уж не случилось ли с ним чего-нибудь?» – подумал Риджерс.

С этой целью он вошел в подъезд и по одной из многочисленных подъемных машин, поднялся в 24-й этаж, помня номер комнаты, куда отправился Джин Сеймур.

Пройдя по длинным коридорам, он, наконец, нашел комнату № 224. На двери была прибитая маленькая медная дощечка с надписью: «Иосиф Гартон, агент».

Джоэ постучался и открыл дверь.

Он очутился в светлой комнате. Справа, за письменным столом, сидел стройный, хорошо одетый мужчина, с темными усами. Слева стояла конторка, за которой занимался бледный молодой человек с бритым лицом.

Рядом с письменным столом стояло кресло с широкой спинкой, предназначавшееся для посетителей.

При появлении Джоэ, стройный мужчина в усах поднялся ему навстречу и вежливо спросил:

– С кем имею честь говорить? Чем могу служить?

При этом он отвесил низкий поклон.

– Вы мистер Гартон? – спросил Джоэ Риджерс.

– Да, это я!

– Видите ли, я пришел, чтобы справиться, не здесь ли мой приятель, м-р Джон Сеймур?
– М-р Сеймур? – как бы припоминая, спросил Гартон.

– Вы должны помнить его! – сказал Джоэ. – Он заходил несколько часов назад, чтобы переговорить с вами относительно приобретения фермы в Пенсильвании, о которой помещено объявление в «Вечерней почте!»

Тут обернулся конторщик.

– Вероятно, вы говорите о господине в светлом клетчатом костюме? – спросил он.

– Вот, вот! Именно о нем я и говорю!

– Теперь я припоминая! Извините, но за эти последние часы у меня перебивало столько посетителей, что я не могу сразу припомнить каждого в отдельности! Верно, верно, – это был м-р Джон Сеймур! Вы ищете его?

– Конечно! Он до сих пор не вышел из этого здания, а ведь я его ожидаю уже часа три!

– Быть не может! Этот господин пробыл у меня не более получаса, дело не состоялось, и он сейчас же ушел. Он говорил, что у него есть еще другие дела в Нью-Йорке!

Вдруг взгляд Джоэ упал в угол между письменным столом и окном. Там стоял большой синий зонтик.

Риджерс тотчас же громко и уверенно воскликнул:

– Я вам не верю! М-р Сеймур здесь! Вы только не хотите признаться в этом!

– Послушайте! – вскипел Гартон. – По какой причине я стану обманывать вас?

– Я вижу, вон, тот зонтик! Джон Сеймур хранит его, как старое семейное достояние и никогда не оставил бы его здесь! Если он куда-нибудь уходит, то прежде всего, вспоминает о зонтике и, за долгие годы моего знакомства с ним, не бывало, чтобы он хоть раз забыл свой зонтик! Скажите же мне, наконец где мой приятель?

– Я уже сказал вам, что он ушел!

– Я не верю вам!

– И не нужно! Какое мне дело до вашего Джона Сеймура? Неужели вы думаете, что этот смешной толстяк настолько мне нравится, что я захочу завладеть им?

Но Джоэ Риджерс не поддавался.

– Но зонтик! – твердил он. – Зонтик! Джон никогда не забывает своего зонтика! Скорее провалится небо!

Агент похлопал своего служащего по плечу:

– Что вы на это скажете, Билл Эверет?

– Что же я могу сказать? – осклабясь, ответил тот. – Глупая история, больше ничего!

– Вот именно! Но позвольте, мистер, если вы уверены, что ваш приятель так высоко ценит этот зонтик, он, наверно, вернется за ним! Может быть, вы пока присядете?

И Иосиф Гартон указал рукой на кресло с высокой спинкой, стоявшее рядом с письменным столом.

Джоэ сильно волновался, и им почему-то овладело непонятное недоверие к агенту и его служащему.

– Нет! – резко произнес он. – Я уйду! С моим приятелем случилось какое-нибудь несчастье! Может быть, полиции удастся выяснить это дело!

– Вы никак угрожаете мне? – воскликнул Гартон и со свирепым видом подошел к Джоэ, яростно сверкнув глазами.

– Зачем мне грозить вам? – возразил Риджерс. – У меня нет для этого основания! Дайте мне зонтик!

– Нет, зонтика я вам не дам! Если хотите, ждите здесь вашего приятеля!

И Гартон схватил Риджерса за пиджак, пытаясь усадить в кресло.

Но Джоэ вырвался и пошел к двери.

– Подождите! – в один голос крикнули ему вслед Гартон и Эверет, но Джоэ уже успел открыть дверь и выйти.

– За ним! – прошипел агент.

Эверет моментально схватил шляпу и побежал за Риджерсом, который в это время входил в подъемную машину, чтобы спуститься.

Джоэ и не подозревал, что Эверет незаметно стал следить за ним.

Глава 2

В смертельной опасности

Джоэ Риджерс немедленно направился в полицейское управление. Он не предполагал преступления, но склонялся к тому, что с Джоном Сеймуром произошло какое-нибудь несчастье.

Если бы он не знал хорошо своего чудака-друга и его детского, иной раз доходившего даже до смешного, уважения к синему зонтику, переходившему в семье Сеймура от отца к сыну, то конечно, не стал бы так беспокоиться. Но Джоэ прекрасно отдавал себе отчет в своих действиях.

Он уже подходил к зданию полицейского управления и собирался перейти улицу, как из-за угла появился автомобиль и Джоэ остановился на краю тротуара, чтобы пропустить его.

В этот момент за спиной Джоэ пробежал какой-то человек и нанес ему в спину, как бы нечаянно, такой удар, что тот споткнулся, упал на мостовую и очутился перед колесами автомобиля.

Шофер, однако, не потерял присутствия духа. Тотчас же сообразив в чем дело, он моментально затормозил.

Автомобиль остановился, успев, однако, протащить Джоэ Риджерса на протяжении нескольких метров; когда несчастный поднялся, кровь сочилась у него из нескольких ран, а костюм был испачкан и местами изорван.

Джоэ обернулся, чтобы посмотреть кто его толкнул. Но, разумеется, в толпе, сразу окружившей место происшествия, не мог найти виновника несчастного случая.

Шофера ни в чем нельзя было упрекнуть; Джоэ Риджерс поблагодарил его за осмотрительность и разъяснил дело полисмену, который собирался арестовать шофера.

Тот же полисмен проводил Джоэ Риджерса в ближайшую аптеку, где он умылся и наложил пластыри на раны, которые, к счастью, оказались неопасными. После этого Риджерс отправился в полицейское управление.

Полисмен проводил его в кабинет инспектора Мак-Коннэля, сидевшего за письменным столом и беседовавшего с каким-то энергичным на вид пожилым господином с бритым лицом.

Когда Джоэ Риджерс вошел, инспектор сказал своему собеседнику:

– Простите, одну минутку!

– Сделайте одолжение! – ответил тот. Это был знаменитый нью-йоркский сыщик: Нат Пинкертон.

– Будьте добры, подойдите ближе! – обратился Мак-Коннэль к Джоэ Риджерсу. – По какому делу вы явились?

Джоэ подошел к столу, неловко поклонился и проговорил:

– Меня зовут Джоэ Риджерс, я сегодня утром прибыл сюда из Спрингфильда вместе с моим другом, Джоном Сеймуром! Джон живет в Спрингфильде лет восемь, проживая доходы, так как прежде имел ферму. Теперь ему надоело сидеть без дела, он искал себе занятий и решил опять купить ферму, чтобы снова заниматься хозяйством! Вчера вечером мы прочли в «Вечерней почте» объявление: какой-то агент, Иосиф Гартон, проживающий в 24-м этаже «Строения Западной улицы», предлагает две фермы в Пенсильвании близ Гундингтона. Джон сейчас же решил войти с ним в переговоры. Он взял с собой наличными деньгами десять тысяч долларов, на случай если бы пришлось дать задаток.

– Для чего же это? – вставил тут Нат Пинкертон. – Ведь он предварительно должен был посмотреть, что это за фермы, стоят ли они назначенной цены и так далее! Сразу ему вовсе не нужно было денег.

– Это так, но у Джона свои причуды, о которых я вам потом расскажу, против них не действуют никакие убеждения! Он заупрямился на том, чтобы сейчас же совершить купчую, а уж раз ему пришла в голову такая мысль, так тут ничего не поделаешь!

– Теперь поступок Сеймура становится понятным. Ну, а что же дальше произошло с вашим приятелем?

– Он исчез, да при таких обстоятельствах, которые заставляют думать, что с ним произошел несчастный случай!

И Джоэ Риджерс рассказал, со всеми подробностями, дело: как он напрасно прождал в ресторане, как, наконец, поднялся на 24-й этаж «небоскреба» и как вошел к агенту Иосифу Гартону.

Упомянув о зонтике и передав дословно свою беседу с Гартоном, он, наконец, проговорил:

– Вам это, пожалуй, будет смешно, господа, но факт, что Джон Сеймур ни при каких обстоятельствах не расстанется со своим зонтиком! Я уверен, он скорее согласился бы потерять тысячу долларов, чем этот громадный синий зонтик, с которым еще его мать ходила с фермы в город во время дождя! Но и помимо этого обстоятельства, свидетельствующего, что с Джоном Сеймуром произошло нечто необычайное, есть еще один очень важный факт: Джон не заставил бы меня напрасно ждать в ресторане, он всегда исполнял свои обещания, а меня ценил высоко, как своего лучшего друга. Будь у него еще какие-нибудь дела, он обязательно сказал бы мне об этом.

Инспектор Мак-Коннэль отнесся к рассказу с явным недоверием. История с зонтиком показалась ему нелепой, и он не замедлил высказать это.

– Может быть, м-р Сеймур все-таки передумал! – сказал он. – Вероятно, заметив, что люди смеются над его синим чудовищем, он нарочно оставил его у агента, чтобы никогда больше не явиться за ним!

– Этого быть не может! – решительно заявил Джоэ.

– А почему же нельзя предположить, что у Сеймура все-таки были дела в городе, в которые ему не хотелось посвящать даже своего лучшего друга? – продолжал Мак-Коннэль. – Мне кажется, м-р Риджерс, вы напрасно беспокоитесь и, вернувшись в Спрингфильд, застанете там вашего приятеля в вожделенном здравии!

Джоэ Риджерс энергично покачал головой.

– Это вам так кажется, потому что вы его не знаете! – возразил он. – Вы иначе бы заговорили, если бы бывали с ним вместе, как я!

Нат Пинкертон внимательно прослушал весь разговор.

– Знаете ли, м-р Мак-Коннэль, – сказал он. – Это дело меня интересует! Позвольте мне еще кое о чем спросить м-ра Риджерса!

– Сделайте одолжение, м-р Пинкертон! – ответил инспектор, пораженный тем, что сыщик интересуется случаем, казавшимся ему не заслуживающим внимания.

А Джоэ Риджерс воскликнул:

– Как? Вы – м-р Пинкертон? Знаменитый сыщик?

– Да! – коротко ответил Пинкертон. – Но вернемся к делу!

Джоэ с уважением и удивлением смотрел на Ната Пинкертона, которого видел в первый раз, но о котором слышал очень много.

– Теперь все выяснится, и я узнаю, что случилось с моим другом! – воскликнул он. – Когда вы окажете мне содействие, все будет хорошо!

Нат Пинкертон помолчал и затем сказал:

– Прежде всего, должен вам заметить, что я, м-р Риджерс, вполне согласен с вашим взглядом на это дело!

– Вот видите! – воскликнул взволнованный Джоэ. – Вы, значит, прекрасно поняли все, что я хотел сказать!

– Именно! И вывел из этого свои заключения! Впрочем, ваша беседа с агентом Гартоном, кажется, закончилась далеко не миролюбиво?

– Почему вы так думаете? – спросил удивленный Джоэ.

– Потому, что вижу на вас несколько легких ран, недавно перевязанных!

– Это случилось не у Иосифа Гартона! – возразил Джоэ и рассказал о несчастном случае с автомобилем.

Пока он говорил, сыщик несколько раз кивал головой и многозначительно улыбался.

– Значит, вас сильно ударили в спину! – сказал он. – А не показалось вам, что вас ударили нарочно?

– Этого не смею сказать! – ответил Джоэ. – Я даже не видел того, кто меня ударил! Да и кому было нужно нарочно толкать меня под колеса автомобиля? Врагов у меня нет, а в Нью-Йорке и вообще-то никто меня не знает!

– Однако, агент Иосиф Гартон имел же основание питать к вам вражду! Наверно, он угрожал, когда вы уходили от него?

– Так-то оно так, но не станет же он покушаться на мою жизнь?

– А если предположить, что он над вашим другом совершил преступление?

Джоэ Риджерс вздрогнул.

– Преступление? Быть может, убийство? – вырвалось у него.

– Это мы увидим! Так или иначе, я расследую это дело, оно мне кажется очень серьезным!

Инспектор Мак-Коннэль своим ушам не верил. Ему никогда и в голову не пришло бы, что тут скрывается преступление, а, тем более, что в «Строении Западной улицы», в течение дня всегда царил большое оживление.

– Вы долго еще остаетесь в Нью-Йорке? – спросил сыщик.

– Собственно говоря, мы собирались уехать сегодня же, – ответил Джоэ Риджерс. – Но теперь я останусь, пока не узнаю, что случилось с моим приятелем!

– А где вы думаете остановиться?

– Я всегда останавливался в гостинице «Метрополь» на 29-й улице!

– Отлично, так и отправляйтесь туда, но будьте осторожны: вашей жизни постоянно угрожает опасность!

Джоэ Риджерс сжал свои сильные кулаки.

– Пусть тронут! – воскликнул он. – Я никого не боюсь!

– Самый сильный и отважный человек не может защищаться, застигнутый врасплох! – заметил Пинкертон. – До свидания, м-р Риджерс! Я немедленно приступлю к розыскам Джона Сеймура и не премину известить вас, как только что-нибудь узнаю. Когда вы будете выходить, всегда оставляйте в гостинице сведения, куда именно вы направились!

– Обязательно, м-р Пинкертон!

Джоэ Риджерс попрощался и ушел. Пинкертон тоже встал и, обращаясь к инспектору, тропливо проговорил:

– Боюсь, м-р Мак-Коннэль, что мы натолкнемся на ужасные преступления! Я сейчас же пойду следом за этим господином, он, действительно, в опасности! Помните, что вы мне давеча говорили! За последнее время к вам неоднократно поступали заявления об исчезновении разных лиц, и вам ни разу не удалось напасть на какой-нибудь след! До свиданья!

Сыщик удалился, оставив полицейского инспектора в весьма понятной тревоге.

Глава 3

Старый посыльный

Выйдя из здания полицейского управления, Джоэ Риджерс с Мультбери-стрит пошел на Бовери, затем завернул на Третье авеню и дошел до 29-й улицы, на которой находилась гостиница «Метрополь», где он хотел остановиться. Он зорко оглядывался по сторонам, памятуя предостережения Пинкертона, но нигде не заметил никого, кто бы следил за ним или преследовал.

И все-таки за ним крался Билл Эверет, служащий агента Иосифа Бартона, да так искусно, что Джоэ решительно ничего не замечал.

Эверет страшно обозлился, когда увидел, что Джоэ Риджерс входит в полицейское управление; он стал терпеливо ждать возвращения преследуемого в одной из подворотен противоположной стороны улицы.

Когда Риджерс возвращался один, Билл ехидно улыбнулся, предполагая, что в полиции постарались отделаться от посетителя и пошел вслед за ним, постоянно оглядываясь.

По-видимому, он не совсем успокоился и предполагал, что за Риджерсом идет полицейский, но никого не увидел; он окончательно успокоился, не обращая внимания на то, что делается за его спиной, сосредоточив всю бдительность на идущем впереди человеке. Он, в свою очередь, не заметил, что за ним по пятам шел Пинкертон.

Билл Эверет мнил себя в полнейшей безопасности, когда вслед за Джоэ Риджерсом дошел до подъезда гостиницы «Метрополь». Он прошел немного дальше по той же улице затем вернулся и зашел в подъезд гостиницы.

Ему навстречу вышел швейцар.

– Вам угодно комнату?

– Нет, мне надо поговорить с одним господином высокого роста, с темной бородой, который вошел сюда минут пять назад.

– Вы, вероятно, говорите о м-ре Джоэ Риджерсе?

– Кажется, это он и есть!

– Тогда будьте добры, потрудитесь подняться к нему наверх, № 82, на третьем этаже!

Эверет кивнул головой и быстро поднялся по лестнице. Он с удовольствием заметил, что кругом никого не было. В коридоре третьего этажа он остановился и стал прислушиваться.

Не услышав ничего подозрительного, он пошел к номеру 82 по мягким дорожкам, заглушавшим шум шагов.

Постояв немного, он постучал в дверь.

– Войдите! – послышалось из комнаты.

Билл Эверет быстро вошел и закрыл за собою дверь. Джоэ Риджерс без пиджака и жилетки стоял над умывальником.

Он сразу узнал служащего агента и тотчас же спросил далеко не любезным тоном:

– Что вам нужно?

– М-р Джон Сеймур поручил мне сообщить, что он ожидает вас в конторе моего патрона! Вскоре после вашего ухода он пришел за зонтиком!

Джоэ изумился, но потом вдруг отскочил на шаг и крикнул:

– Ложь! Оставьте меня в покое с вашими выдумками!

– Нет, это правда! – уверял Эверет, опуская при этом правую руку в карман.

– Вы такой же негодяй, как и ваш патрон! – кипятился Джоэ. – Вы воображаете, что можете меня провести!

Эверет насмешливо расхохотался.

– Откуда вы узнали, что я живу здесь? – продолжал Джоэ. – Ведь я об этом ни слова не говорил у вас в конторе? Вы, значит, выследили меня? Теперь я догадываюсь, кто толкнул меня с тротуара под автомобиль! Это сделали вы, негодяй!

Эверет вдруг вытащил из кармана револьвер.

– Да! – воскликнул он. – Это сделал я! Зачем отпираться! А теперь, м-р Риджерс, я завершу план, который начал, но не закончил – я вас пристрелю на месте!

Билл Эверет стоял спиной к двери и не заметил, как кто-то бесшумно отворил ее.

Джоэ побледнел, как полотно.

– Негодяй! – скрежетал он. – Что я вам сделал дурного?

– Это мое дело! Так вот, я сейчас же выстрелю вам в самое сердце!

– Нет, Билл Эверет, вы этого не сделаете! – послышался вдруг могучий голос. Вместе с тем, чья-то рука протянулась через плечо преступника и выхватила револьвер.

Эверет отшатнулся, обернулся и в ужасе уставился на мужчину, который смотрел на него пронизывающим взором.

– М-р Пинкертон! – радостно воскликнул Джоэ Риджерс. – Вы вовремя пришли!

– Пинкертон? – дрожащим голосом повторил Билл Эверет. – Нат Пинкертон?!

Сыщик быстро подошел к растерявшемуся преступнику и надел на него наручники. Тот не сопротивлялся, загипнотизированный взглядом Пинкертон.

– Не скажете ли вы теперь, где находится м-р Джон Сеймур? – спросил сыщик.

– Я... Я не знаю этого! – заплетающимся языком проговорил Эверет.

– Вы прекрасно знаете! Сознаться лучше, что вы, вместе с вашим патроном Иосифом Гартоном совершили преступление, ограбив Сеймура!

– Нет, нет! Мы ничего подобного не делали! Это неправда! – крикнул Эверет, к которому постепенно стала возвращаться его наглость.

– Я сумею уличить вас обоих! – заявил сыщик. – И не миновать вам электрического стула! Эверет заскрежетал зубами. Страх его перешел в бешеную ярость.

– Отпустите меня! – заревел он. – За что вы заковали меня? Я не совершил никакого преступления!

– А покушение на убийство м-ра Джоэ Риджерса?

– Это... я шутил! На самом деле у меня и в мыслях не было убивать м-ра Риджерса! Я не способен на такое злодеяние!

– Что за негодяй! – воскликнул Джоэ, возмущенный его наглостью.

Нат Пинкертон злобно ухмыльнулся.

– Не волнуйтесь, м-р Риджерс, не стоит! Этого господина за его «шуточки» мы отправим за решетку, а его почтенный патрон в скором времени разделит ту же участь, затем им предоставят почетные электрические стулья!

Пинкертон, не обращая внимания на брань и угрозы Эверета, попросил Джоэ Риджерса сходить за закрытой каретой, чтобы доставить своего пленника в полицию, не возбуждая ничьего любопытства. Для него было важно, чтобы Иосиф Гартон не узнал об аресте своего служащего.

У Пинкертон еще не было доказательств виновности преступников, хотя он, конечно, не сомневался, что негодяи ограбили и убили Джона Сеймура.

Несмотря на попытки к сопротивлению и яростные протесты, Билл Эверет должен был сойти вниз и сесть в карету.

На допросе у инспектора Мак-Коннэля, он держал себя крайне вызывающе и нагло.

Но инспектор не волновался, а, спокойно улыбаясь, заявил:

– Я посажу вас сначала на несколько недель на хлеб и на воду в одиночную камеру, Билл Эверет! Надеюсь, это подействует и, если вы научитесь вежливости и скромности, мы возобновим наш разговор!

Мак-Коннель сделал знак двум здоровенным полисменам, которые схватили Эверета и отвели в тюрьму. Затем инспектор выразил сыщику свое удивление по поводу столь быстро достигнутого им успеха, которым Пинкертон был обязан исключительно своей сообразительности.

Сыщик не замедлил принять дальнейшие меры и привести свой план в исполнение. Ему хотелось, чтобы агент Иосиф Гартон своим поведением сам выдал, было ли им совершено преступление или нет.

Пинкертон поспешил к себе на квартиру и, там преобразившись в обыкновенного посыльного, через полчаса вышел на улицу в синей блузе и с бляхой на картузе. В этом человеке с багровым от водки носом и тупым выражением лица никто не узнал бы сыщика.

Он отправился на Цедар-стрит, вошел в «Строение Западной улицы», поднялся по подъемной машине в 24-й этаж и, пройдя несколько коридоров, очутился у № 224.

Он постучал в дверь.

– Войдите! – послышалось изнутри.

Пинкертон открыл дверь, покачиваясь переступил порог и остановился, тупо оглядывая комнату. Притворившись пьяным, он зорко осмотреть обстановку.

Он заметил, что рядом с конторой находилось еще помещение, вход в которое был завешан темно-зеленой портьерой.

При входе посыльного, Гартон, сидевший за письменным столом, поднял голову и с недоумением взглянул на него.

– Мое почтение! – глупо улыбаясь поклонился сыщик, снимая с головы картуз.

– Что вам угодно? – спросил агент.

– Я пришел по поручению... Ну и высоконько же вы поместились! – прервал посыльный сам себя, заглядывая в окно.

– К делу, к делу!.. У меня нет времени! – отозвался Гартон.

Но подвыпивший посыльный, очевидно, любил поболтать.

– И не страшно вам тут? – спросил он.

Агент не выдержал и вскочил из-за стола.

– Довольно болтать! – вскричал он. – Зачем вы пришли?

– За одной драгоценной вещичкой! – лукаво подмигнул посыльный.

Брови Бартона наморщились и он пристально взглянул на сыщика, который превосходно играл свою роль.

– Помните смешного толстяка, который к вам заходил утром? – продолжал посыльный.

Агент вздрогнул. Смутное подозрение мелькнуло у него в голове.

– Какого толстяка? – спросил он.

– Да с огромным синим зонтиком, который он забыл у вас...

– У меня никто ничего не забывал!

При этом взгляд Бартона невольно скользнул по портьере, завешивавшей дверь в соседнее помещение. Нат Пинкертон заметил его взгляд и придумал план действий.

– Не разрешите ли вы мне присесть? – спросил он. – Я сегодня с утра на ногах и чертовски устал!

– Садитесь! – буркнул агент, в душе очень довольный таким оборотом дела и указал на кресло.

Посыльный грузно опустился в него и заговорил:

– Меня послал м-р Джон... Джон... вот забыл как его фамилия!..

– Сеймур!.. – невольно вырвалось у Бартона.

– Вы знаете его?

– Нет, но вы уже второй, который приходит справляться о нем!.. – выпутывался агент и с этими словами стал медленно подходить к письменному столу. Он уже собрался нажать какую-то кнопку, как посыльный вскочил с кресла.

– Он велел потребовать у вас его зонтик!

– Вы надоели мне! – вскричал Гартон. – Убирайтесь вон!

Он сделал несколько шагов к посыльному, но тот не струсил и стал, в свою очередь, наступать на него, таким образом, что агент очутился спиной к дверям с портьерой.

– Без зонтика мне не приказывали возвращаться! – кричал посыльный. – Может быть он у вас там? – указал он рукой на портьеру.

Гартон, предполагая, что посыльный хочет его ударить, сделал шаг назад, нечаянно оборвал портьеру и, запутавшись в ней, упал прямо на дверь кабинета, которая под тяжестью его тела, открылась. Сыщик увидел там несколько ящиков, в каких обыкновенно перевозятся кладь. Возле одного из них стоял и синий зонтик.

– Вот он! – вскричал посыльный, хватая его. – Как же вы уверяли, что не знаете ни м-ра Джона Сеймура, ни его зонтика? Как погляжу, вы большой руки плут!..

В этот момент Гартон поднялся с пола и выхватил револьвер.

– Ты не выйдешь отсюда! – вскричал он, побагровев от злости. – Ты не посыльный, ты – шпион!

– Много чести! – ответил сыщик, стоя на пороге двери кабинета. – Не волнуйтесь! Теперь я получил зонтик и мне больше нечего делать у вас. До приятного свидания!..

– Оставь зонтик! – орал агент. – Или я убью тебя, как собаку!

– Ну, это еще вилами по воде писано! – ответил посыльный.

– Лучше кончим добром!.. Я сосчитаю до трех и тогда...

– Все-таки ничего не выйдет!.. – рассмеялся сыщик.

Гартон не опускал руки с револьвером.

– Раз! Два!

На этом он и кончил. Пинкертон с быстротой молнии выхватил оружие у агента, не ожидавшего такого нападения, и нанес ему такой удар, что тот упал навзничь сзади одного из ящиков.

Взяв синий зонтик, Пинкертон на пороге двери обернулся.

– Револьвера я не отдам! – проговорил он, все еще заплетающимся языком полупьяного посыльного. – Вы очень опасный господин! Надо будет предостеречь товарищей.

С этими словами он вышел и с треском захлопнул за собою дверь.

Дрожа от злости, Гартон поднялся с пола.

– Тут что-нибудь да не так! – пробормотал он, выходя в контору. – Мне даже кажется, что этот мерзавец вовсе не посыльный! Но я буду настороже! Доказательств никаких нет! А когда вернется Эверет, я вместе с ним и Гаргамом обсужу, что предпринять против врагов, и мы выйдем победителями!

Нат Пинкертон, в это время опускавшийся на подъемной машине, улыбаясь, думал:

– Этот негодяй ужасно глуп! Будь он умнее, то без разговоров отдал бы мне зонтик, а он вместо этого сам себя выдал! Ведь Гартон отлично знает, что Джон Сеймур не мог прислать за зонтиком, а потому... Погоди милейший! Теперь я тебя скоро поймаю!

Иосиф Гартон тщетно ждал возвращения своего служащего, но это его не слишком беспокоило. Он знал, что Билл умен и хитер и не допускал возможности, что тот сделает глупость, которая приведет его в тюрьму. Он полагал, что Эверет отслеживает Джоэ Риджерса и не отстает, чтобы не дать ему возможности донести полиции о происшедшем. Гартон ни секунды не сомневался, что Билл Эверет будет искать и найдет случай совершенно избавиться от Джоэ Риджерса; это было бы вполне в духе самого Гартона.

С наступлением сумерек к Гартону снова явился посетитель: здоровенный ломовой в синей блузе и кожаном переднике с грубым отталкивающим лицом, но агент встретил его как доброго знакомого.

– Добрый вечер, Фреди Гаргам! – приветствовал он его. – Отлично сделал, что пришел! Как дела? Покончил ли ты с последним делом?

– Разумеется! Никто ничего не увидал! Очень уж было смешно, когда всплеснула вода!

– Ты, вероятно, явился за деньгами!

Ломовой почесал затылок.

– Да уж, что говорить! Недурно бы получить несколько сотенных!

Гартон вынул бумажник и передал Гаргаму пять билетов по сто долларов, которые тот, не моргнув глазом, спрятал в карман.

– Что дальше? Есть еще работа на сегодняшний вечер?

– Возможно, что будет, наверно, пока не могу сказать, так как не знаю, явится ли кто-нибудь по моему новому объявлению! – с отвратительным смехом ответил Гартон. – А теперь ты слушай, что случилось!

Агент пододвинул своему посетителю ящик с сигарами и извозчик с видимым удовольствием закурил. Затем, откупорив бутылку вина, Гартон взял две рюмки из стенного шкафа и наполнил их до краев. Собеседники чокнулись.

Агент рассказал ломовому обо всем, что случилось, подробно остановившись на посещении посыльного, но Гаргам не разделял опасений агента.

– Чепуха! – проговорил он. – Тут ничего такого нет! Этот посыльный, наверно, был прислан приятелем Сеймура, причем ему поручили сказать, что он приходил от имени самого Сеймура! Тебе бы сразу отдать ему зонтик, это было бы правильнее! Ну, да тут уж ничего не поделаешь! Я не думаю, чтобы это причинило нам неприятность. Во всяком случае, приятель Сеймура еще не был в полиции, иначе Билл Эверет давно бы вернулся!

Гартон стал успокаиваться.

– Ты можешь остаться здесь! – проговорил он. – Если кто-нибудь придет, пройди в кабинет, и в случае чего сейчас его и возьми с собой!

– Ладно! Недурно, если бы опять представилось маленькое дельце! – проворчал извозчик и откинулся на спинку кресла.

Когда около девяти часов вечера в коридоре раздались шаги, ломовой юркнул в темный кабинет, сорванную портьеру которого агент успел опять прикрепить на место.

Глава 4

Между небом и землей

Нат Пинкертон отправился прежде всего к себе домой, откуда он, еще когда переоделся посыльным, телефонировал своему помощнику Бобу Руланду, каким делом он занимается.

Переодевшись, сыщик вошел в кабинет, Боб последовал за ним туда же.

– Как дела, начальник?

– Сегодня вечером мы поработаем вместе, Боб!

– В «Вечерней почте» опять помещено объявление агента Иосифа Бартона! – сообщил Боб и подал Пинкертону газету.

Сыщик с любопытством прочитал объявление, которое Боб очеркнул синим карандашом.

«За бесценюк продается совершенно новый восьмиместный автомобиль, фабрики Демлинг, в 60 сил. Был заложен. Уполномоченный агент Иосиф Бартон, „Строение Западной Улицы“, 24-й этаж, комната 224».

– Великолепно! – заметил Пинкертон. – Вот этого мне только и надо! Теперь я могу надеяться, что мне удастся этого негодяя посадить за решетку еще сегодня вечером!

– Вы собираетесь пойти к нему в роли покупателя автомобиля?

Сыщик подумал немного и сказал:

– Нет, это я поручу тебе, Боб! Сам я буду наблюдать за вашими переговорами и, в нужный момент появлюсь!

– Но вам будет трудно наблюдать через дверь! – заметил Боб.

Пинкертон улыбнулся.

– Да я и не собираюсь делать этого.

Боб удивленно взглянул на своего начальника.

– А как же иначе?

– Кроме дверей существуют, я думаю, окна.

Боб покачал головой.

– Это совершенно невозможно, м-р Пинкертон! Каким образом вы доберетесь снаружи до окна комнаты, расположенной на 24-м этаже «небоскреба»?

– Очень просто! – ответил Пинкертон. – Я влзу на крышу и спущусь оттуда на канате с перекладиной до окна, а если тебе удастся в нужный момент открыть его, то моментально влзу в комнату!

– Это немыслимо! Слишком уж рискованно!

– Наше занятие вообще сопряжено с большим риском, милейший Боб! Кажется, я побывал уже и в более опасных положениях!

– А если с улицы снизу увидят прохожие? Они поднимут тревогу!

Пинкертон покачал головой.

– Раньше девяти часов мы не примемся за дело, а в это время на Западной улице и на Цедар-стрит бывает сравнительно мало народу, и вряд ли кому-нибудь придет в голову посмотреть наверх! Надо же нам в данном случае понадеяться, что нам немного повезет!

Боб Руланд знал, что никакие доводы не изменят решения начальника, и перестал возражать.

– А как мне нарядиться? – спросил он.

– Да нарядись хотя бы разбогатевшим мясником, который хочет воспользоваться случаем дешево купить хороший автомобиль!

– Отлично! – ответил Боб и скрылся.

Спустя полчаса он появился в светлом костюме и галстук, на жилете болталась толстая часовая цепочка, на руках сверкали бриллиантовые кольца, а на голове модный цилиндр.

Всему этому изяществу совершенно не соответствовала красная, блестящая физиономия и красные же руки, по которым можно было судить о профессии их обладателя.

Нат Пинкертон испытующим взглядом посмотрел на своего помощника.

– Грим тебе удался! – проговорил он одобрительно. – И надо надеяться, что негодяй Гартон не возымеет подозрений!

Затем Пинкертон подошел к своей железной кассе.

– Автомобиль Демменга новый, в 60 сил, да на восемь мест, можно купить не дешевле, как тысяча за двенадцать! Гартон же, вероятно, продаст тысячу за восемь-десять! Возьми вот десять тысяч долларов, фальшивыми билетами! Помнишь, нам полиция оставила их на память, когда мы поймали шайку фальшивомонетчиков!

Пинкертон положил фальшивые, весьма искусно сделанные банковые билеты в бумажник, передал его Бобу и взглянул на часы.

– Теперь восемь часов, – сказал он. – Тебе придется еще немного повременить!

– Ах, я еле могу дождаться, когда можно будет взяться за этого господина!

Пинкертон достал из своей кладовой длинный и крепкий канат, на конце которого имелась петля с перекладиной.

– Теперь наши приготовления закончены! – сказал он. – Да, вот еще что, Боб: если агент тебе предложит сесть на кресло с высокой спинкой, ни под каким видом не садись! Если же никак уж нельзя будет избежать этого, то следи внимательно за каждым движением Гартона и, как только заметишь что-нибудь подозрительное, моментально вскакивай с места!

– Слушаю, начальник!

– Я полагаю, что у Гартона, кроме арестованного Билла Эверета есть еще и второй сообщник!

– Почему вы так думаете, начальник?

– Сужу по ящикам, которые стояли в кабинете рядом с конторой. В них, по всей вероятности, увозятся убитые этими негодьями жертвы!

А такую работу не исполнит ни сам Иосиф Гартон, ни Эверет!

– Да, это возможно! Значит мы, пожалуй, будем иметь дело с двумя противниками!

– Было бы недурно, если бы мы застали их вместе и сразу обоих поймали! – заметил Нат Пинкертон.

Сыщик вышел из дому в половине девятого и направился прямо к «Строению Западной улицы». Там, на подъемной машине, поднялся прямо на самый верх и по узенькой лестнице взобрался на плоскую крышу.

Кругом стояла темнота, внизу же виднелся слабый свет бесчисленных уличных фонарей. Небо было покрыто белыми облаками.

Прежде чем Пинкертон вошел в «небоскреб», он рассчитал, где должно находиться окно конторы Иосифа Бартона на 24-м этаже. В этом окне виднелся еще свет, тогда как другие конторы, по-видимому, уже закрылись и в двух этажах лишь несколько окон были освещены.

Сыщик подошел к краю крыши и заглянул вниз, в зияющую бездну, осторожно спустил перекладину на канате до середины окна конторы Иосифа Бартона, прикрепив верхний конец каната к низким перилам, окаймлявшим крышу.

Сыщик, переждав сильный порыв ветра, переступил перила и взял канат в обе руки.

Ноги его очутились в воздухе. С поразительным хладнокровием и спокойствием он соскользнул вниз и повис над страшной бездной. Внизу лежала улица, и немногочисленные прохожие казались сверху маленькими точками.

Никто не смотрел наверх, да если бы и взглянул, то вряд ли увидел сыщика, висевшего на головокружительной высоте.

Наконец Пинкертон очутился как раз перед окном конторы Гартона.

Боб Руланд поднялся в 24-й этаж, разыскал № 224 и постучал в дверь. Услыхав приглашение агента, молодой сыщик вошел и вежливо поклонился.

– Я имею честь говорить с м-ром Иосифом Гартонем? – спросил он.

– Да! Чем могу служить?

– Меня зовут Вилльям Камбелль, я мясник, мои лавки, по большей части, за городом! Вы меня извините, что я прихожу так поздно, но, знаете, деловой человек вечно занят!

Агент кивнул головой.

– Пожалуйста, садитесь!

– Покорнейше благодарю, – ответил Боб. – Дайте немного постоять! Насиделся уж в экипаже да в вагоне железной дороги!

– Как угодно! – с любезной улыбкой отозвался Бартон. – Так в чем же, собственно, дело?

Боб вынул из кармана последний номер «Вечерней почты» и ткнул пальцем в объявление.

– Вы объявили о продаже автомобиля фабрики Демлинга, в 60 сил?

– Совершенно верно!

– Автомобиль еще не продан?

– Нет! Вам угодно приобрести его?

– Я был бы не прочь, так как давно собираюсь купить себе такую штуку! Наверно, при вашем посредстве, автомобиль будет стоить дешевле, чем на фабрике?

– Конечно! Ведь это продажа случайная! Автомобиль совершенно новый, на нем еще не ездили! Владелец только что купил машину, как ее описали за долги, и кредитор, чтобы получить свои деньги, поручил мне продажу!

– А какая ему будет цена?

– Девять тысяч долларов!

– А нельзя ли его посмотреть?

Агент пожал плечами.

– Сегодня не придется; он стоит за городом, в сарае, на 72-й улице, вам придется пожаловать завтра!

– Видите ли, если это хороший автомобиль...

– Смею вас уверить, что он превосходен! Если хотите, я выдам вам обязательство принять автомобиль обратно и вернуть уплаченные деньги, если только вы найдете хотя бы малейший недостаток!

Боб почесал затылок.

– Я, собственно говоря, неохотно покупаю вещи, которых не видел своими глазами! Так я поступаю всегда, даже со скотом, покупая для убога, – я не куплю ни свиньи, ни быка, пока хорошенько не осмотрю их!

– Ну, в данном случае дело обстоит несколько иначе! А деньги вы захватили?

Мнимый мясник сделал презрительную гримасу.

– Господи! Несчастные девять тысяч долларов у меня всегда найдутся!

Он вынул туго набитый бумажник, раскрыл его и дал агенту налюбоваться на банковые билеты.

Глаза Гартона засверкали, в них отразилась неимоверная жадность. Он охотно бы вырвал бумажник из рук своего посетителя.

– Я посоветовал бы вам приобрести этот автомобиль! – проговорил он хриплым голосом, садясь за письменный стол и отыскивая бланк задаточной расписки. – Вы пожалеете, если откажетесь! Сегодня вечером или завтра утром может явиться другой покупатель и вырвет его у вас из-под носа! Ну что же? Покупаете или нет?

Мясник подумал немного и потом сказал:

– Ладно! Я вам верю! Раз вы говорите, что автомобиль новый и не имеет недостатков, пусть будет по-вашему!

Торжествующая улыбка пробежала по лицу агента.

– Садитесь, пожалуйста! – сказал он. – Я сейчас составлю запродажную!

Но Боб не сажился.

– Благодарю вас! – ответил он. – Я постою!

В этот момент что-то снаружи ударило в окно. Иосиф Бартон, побледнев как полотно, вскочил, выхватил револьвер и направил его на Боба.

– Предатель! – проскрежетал он, а затем крикнул. – Фреди Баргам!

– Иду! – раздалось в ответ, и из кабинета выскочил ломовой извозчик.

– Сторожи этого мерзавца, пока я не вернусь! Если он попытается бежать – пристрели его.

У Баргама в руке тоже был револьвер. Он прицелился в Боба и крикнул:

– Руки вверх!

Боб не успел достать своего револьвера и потому должен был повиноваться, а Бартон выбежал из комнаты.

Боб и извозчик стояли лицом к лицу. Баргам разразился злобным смехом.

– Этого ты никак не ожидал! – воскликнул он. – Теперь пришел тебе конец, и твои доллары перейдут из твоего бумажника к нам!

– Посмотрим, – отозвался Боб и хладнокровно улыбнулся.

Он выжидал момент, когда внимание преступника будет чем-нибудь отвлечено, твердо рассчитывая, что такой момент скоро наступит.

Тем временем Нат Пинкертон уселся на перекладину поудобнее и уперся ногами в карниз окна. Стекла изнутри были затянуты занавесами, но сквозь узкие щели сыщик все-таки мог видеть, что делается в комнате.

Пинкертон прижался лицом к стеклу и вдруг услышал над собою хриплый смех. Он взглянул вверх. В окне 25 этажа появилось, искаженное злорадством, лицо агента, который в этот момент протягивал к канату руку, вооруженную длинным ножом.

– Эй, вы там! – крикнул он. – Счастливого пути!

Нат Пинкертон моментально понял грозившую ему опасность. Гартон собирался перерезать канат, чтобы сыщик полетел вниз, на мостовую.

Пинкертон думал не больше одной секунды и избрал единственное оставшееся ему средство спасения. Обои кулаками он разбил окно, не обращая внимания на кровь, брызнувшую из порезов.

Затем, просунув руку, открыл задвижку. Окно распахнулось и в тот самый момент, когда Гартон перерезал канат, Пинкертон вскочил в комнату.

Боб уже успел повалить Фреди Баргама. Когда стекла треснули, кучер испуганно посмотрел на окно. Это-то его и погубило! Боб моментально вырвал у него револьвер и свалил на пол.

Пинкертон, не говоря ни слова, выскочил из конторы в коридор и по лестнице взбежал в следующий этаж. Гартон как раз собирался скрыться за поворотом коридора, но Пинкертон настиг его и ударом кулака сбил с ног.

Спустя несколько минут оба негодяя лежали связанные в помещении конторы, и Пинкертон принялся за осмотр кресла с высокой спинкой.

Оказалось, что оно было соединено электрическими проводами с током высокого напряжения для подъемных машин здания. Если кто-либо сидел в этом кресле, Гартон, при помощи скрытого в письменном столе рычага, мог включить ток и моментально убить несчастного.

Этим путем негодяй, вместе со своим помощником Биллом Эверетом, убил беднягу Джона Сеймура, а до него еще трех других, которых тоже заманил к себе объявлениями. Ломо-

вой, Фреди Гаргам, укладывал трупы в ящики, вывозил их и выбрасывал в каком-нибудь уединенном месте, в реку Гудзон.

Иосиф Гартон и Билл Эверет оба сели на электрический стул, а Фреди Гаргама приговорили к пятнадцатилетнему тюремному заключению. Он не дожил до истечения срока наказания, спустя полгода скончавшись в тюрьме от чахотки.

Тигр соборного праздника

Глава 1 В поезде

Нат Пинкертон занимал купе второго класса в поезде, вышедшем в полдень из Берлина в Гамбург. В Германии он пробыл недолго. Он завершил замечательное дело о брачном авантюристе Спенсере, в погоне за которым он и прибыл из Нью-Йорка в Берлин, и теперь возвращался на родину, где его ждали новые загадки.

В купе кроме Пинкертона был только один пассажир, усердно читавший газету. Резкие черты его лица выдавали в нем полицейского чиновника, а поза и подчеркнута прямая фигура говорили о том, что он – бывший военный.

Незнакомец все время молчал, не имея, по-видимому, охоты вступать в беседу. Молчал и Пинкертон.

Наконец незнакомец сложил газету, оглянулся и заговорил:

– Удивительный случай произошел в Берлине! Вы слышали о сенсационном аресте, совершенном знаменитым американским сыщиком Пинкертоном в берлинском ресторане «Кайзеркеллер»?

– Конечно! – улыбаясь, ответил Пинкертон. – Я даже подробнейшим образом осведомлен об этом происшествии.

– Этот Пинкертон поистине замечательный человек. Из Нью-Йорка он пускается в погоню за преступником, преследует его по пятам в Германии и хватает в тот самый момент, когда под руководством этого негодяя должно было совершиться отвратительное преступление. К счастью, оно было предупреждено своевременным появлением знаменитого сыщика. Это просто удивительно!

– Ничего особенного я здесь не вижу, – заметил Пинкертон. – Следы, которые вели в Берлин, были слишком ясны!

Незнакомец иронически посмотрел на своего собеседника. Его забавляло, что профан осмеливается так легко судить о трудновыполнимой задаче.

– Простите, – сказал он, – но мне кажется, нельзя так скоропалительно высказывать свои суждения! Когда знакомишься с каким-либо событием по газетам, все кажется простым и ясным. Читатель и понятия не имеет о том, сколько сил, энергии, изобретательности, ума должен приложить сыщик прежде чем он раскроет все обстоятельства преступления, кажущиеся при чтении такими простыми и несомненными.

– В данном случае вы совершенно правы! – заметил Пинкертон.

– В настоящее время, например, – продолжал незнакомец, – в Гамбурге произошел целый ряд загадочных преступлений: на местном соборном празднике какой-то негодяй, а может быть, и целая банда совершает нападения и грабежи. И никто из злодеев до сих пор не пойман!

– Думаю, что вам удастся арестовать виновника, господин инспектор, – с улыбкой заметил Пинкертон.

Незнакомец изумленно взглянул на своего собеседника:

– Вы назвали меня инспектором? Но разве вы меня знаете?

– Я заключил это из ваших же слов, – сказал сыщик.

– Меня это крайне удивляет! Судя по вашему произношению, вы – англичанин или американец. Как же вы могли сразу определить мое звание?

– Ну, это не так уж трудно. Путешествуя и присматриваясь к окружающим, я научился узнавать людей...

– Вы угадали. Я действительно инспектор гамбургской полиции Гельман. Частые преступления, совершаемые в последнее время на соборном празднике, заставили меня съездить в Берлин. Я надеялся разыскать там знакомого сыщика, который помог бы мне напасть на след негодяев.

– И он отказался сопровождать вас?

– Он уехал на юг Германии, где его ждали неотложные дела, касающиеся раскрытия одного весьма важного преступления. И вот я возвращаюсь в Гамбург один. Досадно! Если бы я знал наверняка, что знаменитый американский сыщик Пинкертон поедет через Гамбург, я бы обратился к нему. Он-то уж переловил бы преступников! Не знаю только, согласился бы он помочь нам. Он, верно, спешит обратно в Нью-Йорк!

– Нат Пинкертон никогда не отказывает в помощи никому, тем более, что он может сейчас уделить вам достаточно времени... Вы бы спросили его самого!

Инспектор принужденно засмеялся:

– Благодаряю за совет! – воскликнул он. – К сожалению, я не знаю, где находится в данный момент Пинкертон.

– Он недалеко отсюда, – с хитрой улыбкой заметил сыщик.

Гельман остолбенел. Он внимательно оглядел своего собеседника и произнес:

– Не знаю, правильно ли я вас понял... Может быть, вы сами и есть...

Сыщик, улыбаясь, достал свой бумажник, вынул оттуда визитную карточку и подал ее инспектору. Пораженный, тот вскочил со своего места:

– А, так вы действительно Нат Пинкертон! Очень приятно, от всей души рад!

Лицо чиновника сияло. Он сердечно тряс руку американца и беспрестанно уверял его, что он страшно рад этой неожиданности и благословляет счастливый случай, который свел его со знаменитым сыщиком.

– Так вы согласны помочь нам? – воскликнул он.

– Ну конечно! – сказал Пинкертон. – Пароход, на котором я еду обратно в Нью-Йорк, отходит через несколько дней, а до тех пор я могу посвятить себя вашему делу. Посмотрим, удастся ли нам обезвредить преступника – или преступников! Не расскажете ли вы мне сейчас, в чем, собственно, там дело?

Инспектор с живостью заговорил:

– На гамбургском соборном празднике, как я вам уже докладывал, были совершены и совершаются поныне преступления. Для пояснения замечу, что гамбургский соборный праздник – это народное гулянье, которое продолжается обыкновенно от первого декабря до Сочельника. На большой площади строятся карусели, палатки, выставляются лотки с разными сладостями и тому подобное. Туда устремляется народ для веселого времяпрепровождения: ежедневно там собирается огромная толпа. Гамбургцы охотно ходят на это гулянье и оставляют там немало денег... И вот, в течение последних десяти дней на этой площади происходит целый ряд преступлений. Есть основания предполагать, что все они являются делом одних и тех же рук. Это – серия грабежей, совершенных в праздничной толпе. Нападению обычно подвергались молодые люди, главным образом, – девушки, так или иначе отделившиеся от толпы. Грабитель подкрадывается к жертве сзади, наносит удар и валит на землю. Как правило, удар так силен, что потерпевший теряет сознание, и тогда грабитель очищает карманы своей жертвы. Таких случаев было более десяти, а самый страшный произошел третьего дня вечером. В этот день, несколько в стороне от праздничных балаганов, была найдена молодая девушка с глубокой колотой раной в груди. Несчастная лежала без сознания, и только сегодня утром, перед моим отъездом, она пришла в себя...

– И что же она сообщила?

– Мы надеялись, что она видела виновника, но выяснилось, что нет. Вообще никому из пострадавших не удалось увидеть преступника в лицо, ибо негодяй нападает сзади, а в момент ограбления жертва уже без сознания...

– Так что и на этот раз раненой не удалось разглядеть преступника? – спросил Пинкертон.

– Нет, – сказал Гельман. – Когда она отошла немного в сторону от центральных построек, кто-то неожиданно и сильно ударил ее по голове, отчего она упала. Преступнику не удалось совсем оглушить ее, так как меховая шапочка, которая была на ней, несколько смягчила удар. Она пронзительно закричала и хотела подняться, но была снова брошена на землю, и тотчас же ей вонзили в грудь нож. Она потеряла сознание. В ту же ночь ее нашли окровавленную, лежащую в глубоком обмороке.

– Останется ли она в живых?

– Да, рана, к счастью, не опасна, хотя и потеряно много крови.

– А в тот момент, когда она пыталась подняться, ей тоже не удалось увидеть преступника? – осведомился Пинкертон.

– Она вообще ничего не видела. От удара ее сознание совершенно помутилось, и она утверждает только, что у преступника была большая собака, голову которой она будто бы видела.

– Последнее заявление весьма знаменательно! При определенных обстоятельствах собакам могла бы привести на след.

– Вначале и я так думал, – сказал Гельман, – но именно присутствие этой собаки еще более запутывает дело. Оказывается, до сих пор на площади никто ни разу не видел человека, у которого была бы с собой большая собака. У многих владельцев палаток, правда, есть собаки, но ни на кого из них не может падать подозрение, так как в каждом случае они могут доказать свое алиби. Впрочем, один из них находится под нашим тайным надзором. Однако я не думаю, чтобы он совершил это преступление.

– Надеюсь, что вся эта местность находится под вашим пристальным надзором, – сказал Пинкертон.

– Конечно. По всей громадной площади расставлены агенты тайной полиции, за всеми уединенными местами, где могло бы совершиться преступление, негласно наблюдают люди, но негодяй, по-видимому, осведомлен обо всех наших действиях. Его грабительские нападения всегда происходят там, где на данный момент нет охраны, и действует он всегда замечательно быстро. Я уверен, что разбойнику достаточно одной минуты, чтобы повалить и ограбить свою жертву. Публика напугана. Народное празднество уже не посещается так усердно, как прежде, и торговцы жалуются на убытки. Этому преступнику, наводящему панику на весь Гамбург, уже присвоили прозвище «Тигр соборного праздника».

Пинкертон протянул инспектору руку и сказал ему спокойно и уверенно:

– Вот вам моя рука, господин инспектор! Я обещаю вам, что поймаю и предам правосудию «Тигра гамбургского соборного праздника». Надеюсь, что мы обрежем когти этому чудовищу!

– Не слишком ли вы уверены, господин Пинкертон? – спросил инспектор. – Из моего рассказа нельзя заключить еще ничего определенного. Нить к раскрытию этого загадочного преступления найти нелегко...

Пинкертон улыбнулся:

– Однако из вашего рассказа, господин инспектор, я понял, что в данном случае мы имеем дело не с бандой, а только с одним преступником. Целой банде было бы трудно действовать на этой площади, раз она находится под строгим надзором агентов тайной полиции. Кроме того, мне кажется, что я даже напал на след!

– Что же могло послужить вам нитью? – напряженно спросил инспектор.

– Собака!

– Но ведь именно эта история с собакой и запутывает дело!

Пинкертон пожал плечами:

– А может быть и нет, – сказал он. – Я, собственно, уверен, что собаки-то и вовсе не было.

Инспектор был совершенно сбит с толку. Сыщик хотел напасть на след преступника с помощью собаки, которая вовсе не существовала! Этого уж инспектор никак не мог понять.

– Я совершенно вас не понимаю, – сказал он наконец. – Но не хочу расспрашивать. Я от души рад, если вы действительно составили себе определенное представление о деле.

К вечеру оба путешественника прибыли в Гамбург и немедленно отправились на соборную площадь, где ярмарка была уже в полном разгаре.

Глава 2

Странный выстрел

Соборная площадь была полна народу. Гуляющие теснились около балаганов и палаток; рокот каруселей, музыка шарманок и других инструментов смешивались, наполняя воздух неимоверным шумом.

Дойдя до полицейской палатки, Гельман и Пинкертон вошли в контору, устроенную на время праздника.

Здесь собралось несколько полицейских агентов; один из них сидел за письменным столом и записывал показания молодой бледной девушки, которая, вся дрожа, сидела тут же на стуле. При виде инспектора в сопровождении незнакомого господина полицейские вежливо поклонились.

Гельман обратился к своему спутнику:

– Мне кажется, господин Пинкертон, перед нами новая жертва.

При имени «Пинкертон» дежурный полицейский поднял голову. Другие агенты также с удивлением оглянулись: утренние газеты были полны сообщений о происшествии в берлинском ресторане «Кайзеркеллер».

Предложив сыщику стул, Гельман занял место дежурного за письменным столом. Один из полицейских доложил:

– Эта девушка только что подверглась нападению. Повторилась старая история!

– Где произошло нападение?

– В узком проходе между двумя балаганами.

– Расскажите нам, сударыня, как было дело, – сказал инспектор. – Ваше имя, как видно из протокола, – Мария Вайзе?

Девушка утвердительно кивнула.

– Я отправилась, – начала она, – вместе со своей подругой на площадь и, потеряв ее в толпе, стала ее искать. При этом я очутилась в другом ряду построек и, желая вернуться к прежнему, я решила для сокращения пути пройти между двумя балаганами, где был узкий проход. Было уже темно, и я бежала очень быстро, но едва я достигла середины прохода, как кто-то сильно ударил меня сзади по голове. В ушах у меня зашумело, я потеряла сознание и упала на землю. Когда я очнулась, голова у меня так сильно болела, что я даже не могла сразу сообразить, где нахожусь. Но вскоре я вспомнила о «Тигре соборного праздника» и, охваченная ужасом, вскочила и бросилась к людному месту. Тут уже я заметила, что нет золотых часов, цепочки и сумки, где лежал кошелек. Моя бледность, растрепанные волосы, грязное платье привлекли ко мне внимание публики. Меня обступила целая толпа, стали расспрашивать. Затем появился полицейский и, узнав о случившемся, привел меня сюда.

Нат Пинкертон подошел к пострадавшей.

– Будьте любезны ответить мне на несколько вопросов, сударыня, – учтиво сказал он ей. – Вы не заметили, кто именно напал на вас?

– Нет! От удара я лишилась сознания.

– Имеете ли вы хотя бы смутное представление о том, каким орудием вам был нанесен удар?

– Это должен был быть очень твердый предмет, – сказала девушка.

– Позвольте мне взглянуть на то место, куда был нанесен удар. Может быть, мне удастся узнать, чем именно его нанесли.

Девушка сняла шляпу и показала Пинкертону вспухший кровоподтек около виска. Взглянув на рану, он проговорил:

– Я думаю, что в данном случае был пущен в ход металлический кастет. Все указывает на то, что человек, нанеший удар, отличается большой физической силой. Подобным ударом можно и убить... А теперь, – обратился он к пострадавшей, – проводите меня, пожалуйста, к тому месту, где на вас было совершено нападение. Я хотел бы его осмотреть.

Но едва только Нат Пинкертон поднялся, чтобы направиться к месту происшествия, как его внимание привлекли вновь пришедшие люди.

Это был полицейский в сопровождении рыдающей женщины. У нее были грубые черты лица, а дешевые юбка и кофточка отличались кричащей пестротой. Из раны на ее правой руке сочилась кровь, которой был запачкан весь рукав.

– Что случилось? – спросил изумленный инспектор.

– Снова нападение! В эту женщину стреляли! – доложил полицейский.

– А преступник?..

– К сожалению, скрылся.

– Как это произошло?

– Я шел по шестому ряду, – начал полицейский. – Лишь только я поравнялся с палаткой, где показывают «волосатого человека» Вильяма, как услышал выстрел и затем – отчаянные вопли. Я поспешил туда и на лестнице, ведущей в фургон, где живут владельцы упомянутой палатки, увидел эту женщину: она плакала и держалась за плечо. На все мои расспросы она не отвечала, продолжая плакать и стонать. Вдруг из задней двери палатки выбежал «волосатый человек» Вильям и взволнованно воскликнул: «Что случилось, черт возьми?» Когда он увидел женщину в крови, он поразился и сказал: «Боже! Да в нее стреляли!» Тогда она тоже закричала: «Да, да, в меня стреляли! Негодяй удрал!» Большого я от нее не мог добиться, вот и привел ее сюда, чтобы она здесь дала показания.

– А она не хотела идти сюда? – вмешался Пинкертон.

– Нет! Она заявила, что не может идти, так как ей надо быть около кассы, но поскольку я настаивал, то и «волосатый» стал гнать ее сюда. Вообще он был взбешен и все время ругал ее.

Нат Пинкертон, казалось, был весьма заинтересован этим происшествием. Инспектор заметил это и спросил:

– Думаете ли вы, господин Пинкертон, что и этот случай следует приписать «Тигру»?

Лицо Пинкертона было весьма загадочно.

– Возможно, – сказал он, – хотя вряд ли: тот негодяй, по-моему, не решился бы перейти от кастета и ножа к револьверу. Последний не так-то просто использовать на площади, полной народу.

– Я того же мнения. В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с другим преступником, не имеющим ничего общего с «Тигром».

– Об этом пока нельзя сказать ничего определенного, – заметил Пинкертон. – Позвольте мне, господин инспектор, снять показания с раненой!

– Хорошо, – ответил Гельман. – А я буду записывать.

Раненой между тем перевязали руку, и она сидела около письменного стола. Ее красное лицо слегка побледнело, а глаза беспокойно бегали по сторонам. Сыщик взял стул, уселся напротив женщины и за все время допроса не сводил с нее глаз. Это, видно, было ей весьма неприятно, и она избегала смотреть ему в лицо.

– Как ваше имя? – начал он свой допрос.

– Мария Вильям!

– «Волосатый человек» Вильям – ваш муж?

– Нет, он мой брат...

– Давно вы разъезжаете с ним по ярмаркам?

– Пять лет! – ответила она и раздраженно прибавила: – А зачем вы это спрашиваете? Это вас вовсе не касается!

– Вы заблуждаетесь! – холодно возразил ей Пинкертон. – Сыщик должен знать все второстепенные обстоятельства дела, чтобы раскрыть преступление. Вот почему я прошу вас отвечать на все вопросы, иначе я вынужден буду принять самые решительные меры.

Женщина вскочила.

– Это уже слишком! Вы обращаетесь со мной, как с преступницей, тогда как я сама стала жертвой преступления!

– Сидите спокойно и не волнуйтесь! – сказал ей Пинкертон сурово. Она тотчас уселась и только злобно посмотрела на него.

Инспектор и другие чиновники удивленно глядели на Пинкертона. Они не могли понять, почему он так странно обращается с раненой. Он же делал вид, что ничего не замечает, и продолжал:

– Расскажите-ка, только правдиво, как было совершено на вас это нападение.

Раненая медлила. Ей не нравился метод допроса, выбранный Пинкертоном, однако она стала рассказывать:

– Мы содержим нашу палатку вдвоем с братом. Так как в то время никого из зрителей в палатке не было, я оставила свое место у кассы и направилась к фургону, в котором мы живем, чтобы сделать себе бутерброд. Я крикнула брату, что сейчас вернусь, вышла из палатки и поднялась на ступеньки, чтобы войти в фургон. В тот самый момент, когда я взялась за ручку двери, раздался выстрел, и я почувствовала сильную боль в правом плече. Я вскрикнула и, оглянувшись, заметила тень фигуры, быстро скрывшейся между рядами фургонов, за палатками.

– Вы хотели открыть дверь в тот момент, когда в вас выстрелили?

– Да...

– Это неправда! – сказал холодно и уверенно Пинкертон.

Она вскочила, побледнев:

– Значит, по-вашему, я лгу?!

– Да, лжете! Неправда, что вы хотели открыть дверь!

Мария Вильям в бешенстве затопала ногами, сжала кулаки и закричала:

– Теперь мне остается только замолчать! Я даю самые правдивые показания, говорю, как было дело, а вы мне не верите! Что же мне сказать вам в таком случае? Я вам больше отвечать не намерена, если вы сомневаетесь в моих словах!

Странная улыбка мелькнула на губах Пинкертона.

– Если дело обстоит именно так, как вы говорите, то выстрел был какой-то необыкновенный! Я объясню вам, почему ваши слова не соответствуют истине. Когда вам завязывали раненую руку, я видел рану, и фельдшер, сделавший вам перевязку, подтвердит, что пуля, попавшая в вашу руку, была выпущена спереди, а не сзади. Если бы вы действительно в тот момент открывали дверь, пуля попала бы сзади; это вам самим ясно, и даже маленькому ребенку не пришлось бы этого объяснять.

Полицейские громко выразили свое изумление. Фельдшер подтвердил слова Пинкертона. Мария Вильям еще сильнее побледнела и крикнула:

– Да, может быть я, прежде чем открыть дверь, оглянулась назад! И вообще я не могу помнить всех подробностей!

– Это странно, – сухо заметил Пинкертон. – Вы должны были совсем повернуться, услышав какой-то шум. В таком случае, по меньшей мере, непонятно, что вы не помните такого обстоятельства...

Раненой было явно не по себе от такого строгого допроса. Она не знала, что ответить, и сказала:

– Я сама не знаю, как это все произошло, у меня кружилась голова. Оставьте меня в покое!

Сыщик поднялся. Его сухость сразу исчезла, и он вполне дружески сказал:

– Понятно, что у вас закружилась голова от такого ужасного происшествия. Идите в медицинский пункт. Там извлекут пулю и перевяжут рану.

Мария Вильям облегченно вздохнула. Видимо, она была рада, что допрос, наконец, окончен. Когда она вместе с фельдшером покинула контору, инспектор обратился к Пинкертону.

– К какому выводу вы пришли относительно этого странного выстрела? – спросил он.

– Пока трудно сказать, – ответил Пинкертон. – Во всяком случае, я уверен, что покушения на эту женщину не было. Здесь что-то другое... И я постараюсь добраться до сути!

– Но что же?

– Позвольте мне пока ничего не говорить. Вы знаете, что человеку свойственно ошибаться... Пойдемте, сударыня, укажите мне место, где вы подверглись нападению!

Нат Пинкертон вежливо поклонился и вышел из конторы в сопровождении Вайзе, которая все это время удивленно следила за происходившим.

Глава 3

Таинственный фургон

Площадь все еще кипела жизнью, когда Пинкертон с госпожой Вайзе подошли к месту, где она подверглась нападению.

Они протолкались через толпу, дошли до зверинца, обогнули его и очутились в узком проходе между этим зверинцем и каким-то другим балаганом. Этот проход соединял две большие улицы и был погружен в темноту – вполне подходящее место для нападения.

Сыщик зажег электрический фонарь и стал внимательно изучать место происшествия. Девушка тем временем показывала ему, в каком направлении она шла, и в каком месте ей был нанесен удар. Как только она указала на это место. Пинкертон заметил большой разрез, сделанный острым ножом в полотне палатки, служившей зверинцем. Он раздвинул щель и увидел, что с внутренней стороны, у самого разреза, нагромождены ящики.

– Видите, сударыня? Держу пари, что преступник скрывался именно за этими ящиками. Он сделал этот разрез и подстерегал здесь свою жертву, словно паука, подстерегающий в паутине мух.

Пинкертон внимательно разглядывал почву в надежде заметить хоть какие-нибудь следы, но ничего примечательного не открыл.

Войдя в зверинец через разрез, он также ничего особенного не обнаружил. Тем не менее, неудача его не огорчила, и он бормотал себе под нос:

– У меня есть еще другой путь, по которому я безошибочно дойду до цели... – Он обратился к девушке: – А вы, сударыня, можете идти домой. Надеюсь, свой адрес вы оставили в полиции? От всей души желаю вам получить обратно свои утраченные вещи!

Девушка поблагодарила его и удалилась, а Нат Пинкертон смешался с толпой.

Он стал разыскивать палатку «волосатого человека» Вильяма, который показывал себя публике, беря по десяти пфеннигов с человека.

Недолго пришлось ему искать. Третья палатка принадлежала Вильяму.

Раненой Марии Вильям еще не было за кассой. Дела у них, по-видимому, шли плохо. Толпа мало интересовалась «волосатым человеком». Люди равнодушно проходили мимо его палатки; никто не задерживался. Пинкертон стал прохаживаться взад и вперед, пока не заметил в толпе фигуру Марии Вильям. Она проталкивалась сквозь массу народа, рука ее висела на повязке. Увидев ее, Пинкертон тотчас же скрылся в боковом проходе и подошел к палатке Вильяма с задней стороны. Через щелку он мог видеть внутренность палатки. Устройство ее отличалось чрезвычайной простотой. Там стоял ряд простых деревянных скамеек, а перед ними висела занавеска, которая раздвигалась в обе стороны. За занавеской было сделано небольшое возвышение, с которого Вильям, очевидно, показывал себя публике.

Пинкертону пришлось ждать недолго. Через несколько минут в палатку вошла Мария Вильям, просунула голову за занавеску и тихо позвала:

– Эдуард, ты здесь?

Занавеска колыхнулась, и показалась голова, скорее напоминающая обезьяну, чем человека. Вся голова, шея, щеки, лоб были покрыты густыми темно-каштановыми волосами, а глаза горели, как два угля. Этот удивительный человек был, видимо, сильно взволнован. Хриплым беспокойным голосом он спросил:

– Ты уже вернулась, Мария? Как дела?

– Все благополучно! – ответила она. – Можешь быть спокоен. Позже я все тебе расскажу. А пока молчи, говорить опасно: здесь и у стен есть уши.

Голова Марии исчезла, а «волосатый» продолжал ворчать:

– Счастье, что все так кончилось, а не то попомнила бы ты свою неосторожность...

Нат Пинкертон обернулся и стал издали разглядывать принадлежащий Вильяму фургон, куда хозяева, видимо, перебирались на ночь.

Погруженный в глубокое раздумье, он долго стоял на месте.

Он думал о выстреле, который был нацелен в Марию Вильям. Из допроса раненой он понял, что она солгала, утверждая, что пуля попала в нее именно тогда, когда она собиралась открыть дверь фургона. Но если и в самом деле, как он думал, покушения на эту женщину не было, то откуда рана? Почему она не хотела идти в полицию, и почему волосатый Вильям только что ругал ее за какую-то неосторожность? Как это все увязать вместе и объяснить?

Вдруг Пинкертон ударил себя по лбу и воскликнул:

– Патрон-самострел!

Такое заключение было весьма правдоподобным. И если предположить, что Вильям, охраняя имущество от непрошенных гостей, установил у дверей и окон своего жилища автоматически срабатывающие патроны, то понятно: пуля попала в Марию в тот момент, когда она отворяла дверь. И конечно неосторожность ее была непростительна, раз она знала об этом устройстве.

Все это было похоже на правду: ведь никто не мог запретить Вильяму охранять таким образом свое имущество. Вместе с тем было подозрительно: зачем ему вообще понадобилась такая охрана? Странствующие по ярмаркам балаганщики не возят с собой ценностей, которые приходилось бы охранять таким изощренным способом. Странно и то, что Мария и «волосатый» пытались объяснить выстрел чьим-то нападением. Если бы все было чисто, зачем скрывать?

Какие тайны могли храниться в этом фургоне, что доступ в него был защищен автоматическими патронами? За этим наверняка что-то кроется. И сыщик, рассуждая логически, пришел к выводу, что брат и сестра связаны с так называемым «Тигром соборного праздника».

Если бы «волосатый» действительно был искомым преступником и складывал бы добычу в свой фургон, тогда выстрел был бы объясним. . . Пинкертон вспомнил, что, по словам пострадавшей девушки, у преступника была большая собака!

Правда, с самого начала он считал, что никакой собаки не было, а просто негодяй надел на себя собачью маску.

Теперь он увидел, что «волосатый» даже не нуждался ни в какой маске! Человек, будучи в полубессознательном состоянии, всегда принял бы его лицо за собачью или обезьянью морду.

К таким выводам пришел Нат Пинкертон, и то, что ранее казалось ему только предположением, стало ясным и очевидным. Он решил продолжать свои розыски именно в этом направлении. Но прежде он хотел убедиться, что его гипотеза насчет автоматических патронов соответствует действительности.

Между палатками и фургонами лежали доски и шесты. Пинкертон взял один шест, лег на землю, чтобы в него не попала пуля, если произойдет выстрел, и стал осторожно нажимать шестом на окошко фургона. Вначале безрезультатно. Но вот рама окошка стала подаваться, – и в тот же момент раздались один за другим два выстрела.

С быстротой молнии Пинкертон вскочил, бросил шест и спрятался за грудой ящиков в нескольких шагах от фургона.

Едва он достиг своего убежища, как показался крайне обеспокоенный Вильям. Он выскочил из палатки и бежал вокруг фургона. Не обнаружив никого, он отворил дверь и осмотрел его внутри. Убедившись, что и там все в порядке, он снова вышел и стал искать причину выстрелов поблизости. Не найдя ничего, он, по-видимому, успокоился и направился обратно в свою палатку.

Пинкертон покинул свой наблюдательный пост. План действия у него уже был готов, и он, не теряя времени, отправился в гостиницу, в которую отослал с вокзала свои вещи.

Полчаса спустя он вышел из гостиницы через черный ход. Никто не узнал бы знаменитого сыщика в облике спившегося забулдыги. На нем был грязный рваный пиджак, ярко-рыжий парик украшал его голову; добавьте к этому багровое лицо и застывший отсутствующий взгляд...

Было уже около одиннадцати. Жизнь на площади стала замедляться, и шум толпы понемногу затихал. Народ расходился по домам, и только несколько запоздалых бездельников еще шатались по площади.

Рыжий бродяга прошел несколько улиц, затем исчез за рядом деревянных построек и очутился позади палатки, принадлежащей волосатому Вильяму. Осмотревшись кругом, он вполз под кузов фургона и стал искать, нет ли где-нибудь щели между досками пола.

Долго его поиски были тщетными. Наконец он нашел то, что искал и начал осторожно действовать маленьким ломиком, захваченным специально для этой цели. Некоторые гвозди сильно проржавели снизу, и доски стали понемногу подаваться. Скоро ему удалось вынуть одну из них, так что уже нетрудно было приподнять и соседние половицы. В результате образовалась дыра, через которую он проник внутрь.

Засветив на секунду электрический фонарь, Пинкертон быстро обвел взглядом внутренность фургона. Обстановка была нехитрая. Узкие походные койки в два этажа, шкафчики, дорожные корзины, хозяйственная утварь, в одном углу – вешалка с целой кучей одежды.

Оставалось только открыть шкафы и корзины и осмотреть спрятанные там вещи.

Пинкертон хорошо сознавал опасность затеянного им дела и предвидел все возможные случайности, а потому не испугался, когда щелкнул замок, дверь открылась, и в фургон вошел волосатый Вильям с ярко горящей лампой в руках.

Рыжий пьяница уже сидел, удобно расположившись на одной из корзин, с холодной усмешкой направляя на вошедшего дуло револьвера.

Вильям настолько перепугался, что вскрикнул и подался назад, едва не выронив из рук лампы.

– Что это значит?! – воскликнул он в бессильной злобе. – Как вы сюда попали?!

Рыжий рассмеялся, подошел к Вильяму, оттолкнул его от двери и плотно ее затворил. Вильям был парализован ужасом.

– Что, не ожидал меня здесь увидеть? – заговорил рыжий по-английски. – Я слышал, что ты американец, и поэтому решил навестить тебя!

Вильям все еще не мог прийти в себя. Тяжело дыша, он бессильно опустился на одну из корзин и простонал:

– Но как же ты вошел сюда?

– Это было чертовски трудно! – проговорил рыжий. – Твои окна здорово защищены. Я в этом убедился сегодня вечером, когда хотел пролезть к тебе через окно. Пришлось избрать другой путь и лезть снизу.

Пинкертон все еще держал револьвер в руке.

– Во-первых, не озирайся по сторонам, тебе все равно не удрать от меня. Если ты думаешь воспользоваться своими дьявольскими патронами, то учти: не успеешь ты и прицелиться, как я отправлю тебя на тот свет... А так – можешь вполне мне довериться: ты ведь знаешь, что ворон ворону глаз не выклюет.

«Волосатый» несколько овладел собой и махнул рукой:

– Не беспокойся, я не собираюсь защищаться. Только спрячь оружие и скажи, чего тебе от меня надо?

– Денег! – хриплым голосом сказал Пинкертон.

«Волосатый» даже подскочил на месте.

– Ты спятил! Ты силой ворвался в мой дом, и если я позову на помощь, тебя немедленно арестуют, убьешь ты меня при этом или нет!

– Верно! Только ты не будешь звать на помощь, – заметил Пинкертон. – Постыдился бы выдавать своего друга и товарища!

– Ты, оборванец и вор, – мой друг и товарищ?! – закричал «волосатый».

– А ты-то чем лучше? – сказал насмешливо Пинкертон. – Думаешь, я не вижу тебя насквозь?

– Как ты смеешь?! – злобно воскликнул Вильям. – Тебе не в чем упрекнуть меня, за мной нет никакой вины, ты ничего не докажешь!

Пинкертон похлопал Вильяма по плечу.

– Конечно! – сказал он. – Но ведь и ты мне не докажешь, что бедный балаганщик, живущий на жалкие гроши, добываемые на ярмарках, нуждается в такой надежной защите, какую ты устроил в своем доме, если не хранит что-нибудь особенное! Хотелось бы мне знать, что спрятано в этих ящиках и корзинах! Уверен, что там лежат неплохие штучки, а за то, что они добыты исключительно благодаря твоей волосатой роже, я готов голову дать на отсечение!

«Волосатый» весь съежился при этих словах рыжего, который небрежным жестом указывал на сундуки и корзины.

В этот момент дверь открылась, и в фургон вошла Мария.

Она испугалась не меньше, чем ее брат, и в ужасе застыла. Пинкертон снова поднял свой револьвер и любезно сказал:

– Подойдите-ка поближе, миледи, и закройте за собой дверь. Не задавайте пока никаких вопросов. Ваш уважаемый супруг, или кем он вам там приходится, расскажет вам потом обо всем подробно.

Выражение лица рыжего и нацеленный на нее револьвер подтвердили, что это не пустые слова. Мария вошла в фургон, заперла за собой дверь и уселась рядом с братом.

– Итак, давайте делиться! – воскликнул Пинкертон. – Открывайте быстренько ваши ящики, – я посмотрю. Что понравится, возьму себе.

Хозяева кипели от злости.

– Как только у тебя язык поворачивается?! Мы не собираемся ни с кем делиться!

– Хватит! – загремел Пинкертон. – Выполняйте приказание, или я отправлю на тот свет и эту старую волосатую обезьяну, и ее дражайшую половину!

Курок револьвера зловеще щелкнул.

Этого было достаточно: Вильям и Мария встали и принялись выполнять требование рыжего.

Пинкертон все время зорко следил за ними. Он видел, как неохотно они принялись за дело. Каждую минуту от них можно было ожидать какой-нибудь подлости... Все случилось даже раньше, чем предполагал сыщик.

Мария сделала шаг вперед и сильно толкнула ногой ящик, на котором стояла лампа. Пинкертон рванулся, чтобы подхватить ее, но было поздно – лампа упала. При падении она не потухла, а разбилась и запылала. Вскоре вся внутренность фургона была в огне: старое сухое дерево горело как порох.

Пинкертон быстро выскочил наружу. За ним последовали Вильям с сестрой. На улице поднялся шум, сбежалась толпа, а через несколько минут явилась пожарная команда, дежурившая тут же, на площади.

В горящий фургон впрягли лошадей и вывезли его на открытое место. От него остался только железный остов. Сгорели и ящики, и корзины вместе со всем содержимым. Вильям и Мария были в отчаянии. Они как безумные метались в толпе. Причем Вильям со своим обезьяньим лицом был до того комичен, что в толпе слышались шутки и смех.

Из-за пожара, уничтожившего все вещи Вильяма, Пинкертон лишился возможности доказать его вину: улики – награбленных ценностей – больше не было.

Приходилось искать другие пути для уличения преступника, и Пинкертон тотчас сообразил, какие это должны быть пути. Сыщику было ясно, что «волосатый» теперь снова примется за грабежи, чтобы возместить убытки, нанесенные пожаром.

Надо было только позаботиться о том, чтобы «волосатый» не позже завтрашнего вечера мог снова спокойно приняться за дело, уверенный в своей безопасности.

Глава 4

Тигр пойман

Инспектор Гельман, присутствовавший на пожаре, только что вернулся в свою контору. Не успел он закрыть за собой дверь, как снаружи раздался сердитый голос дежурного полицейского:

– Что вам здесь надо?! Убирайтесь вон! Или вам захотелось провести ночь в участке? Слышите? Я вам говорю!

– Зачем – убирайтесь? Мне надо в контору, – бормотал в ответ чей-то пьяный голос. – Мне надо господина инспектора Гельмана...

– Подите прочь! Если вы сейчас же не уйдете, я вас арестую!

– А я вот войду!

При этих словах дверь распахнулась. Гельман и прочие, сидевшие в конторе, увидели рыжего оборванца, нахально рвавшегося в помещение. Его преследовал полицейский.

– Что это значит? – воскликнул инспектор. – Как вы смее врываться сюда?!

Вошедший не испугался сурового тона начальника и, смеясь, протянул ему руку:

– Добрый вечер, господин инспектор! Как поживаете?

Гельман был вне себя. Такого бесстыдства он не встречал ни разу за всю свою службу.

– Посадите этого негодяя под арест! – велел Гельман своим людям. – Я проучу его за дерзость!

Полицейские сделали движение, чтобы арестовать рыжего. Но тот весело расхохотался и заговорил другим голосом:

– Разве вы меня не узнаете, господин инспектор?!

Полицейские и Гельман вытаращили глаза. Они были сильно смущены.

– Черт возьми! – воскликнул Гельман. – Судя по голосу, вы – Нат Пинкертон!

– Так оно и есть, господин инспектор! Очень рад, что вы, наконец, узнали меня.

– Ваш грим поразителен! – сказал восхищенный инспектор. – Никто не узнал бы вас. Должен засвидетельствовать вам свой полный восторг... Ну что, удалось вам чего-нибудь добиться?

– Пока немного. Но я напал на серьезный след и явился к вам с одной просьбой.

– В чем она заключается? – спросил инспектор, любезно предлагая Пинкертону стул.

– Прошу вас написать одну заметку и позаботиться о том, чтобы завтра утром она появилась во всех газетах.

Инспектор согласно кивнул, взял бумагу и перо, а Пинкертон продиктовал ему следующее:

«Тигр гамбургского соборного праздника пойман! Благодаря усилиям полиции в прошлую ночь удалось, наконец, поймать знаменитого „Тигра“, безнаказанно совершавшего в течение многих дней свои преступления. Им оказался служащий на карусели Штейнер. Хотя преступник и отрицает свою вину, но улики очевидны, и вина его несомненна. Публика может свободно вздохнуть. Кроме того, не нужен строгий надзор на площади: теперь снова можно чувствовать себя в безопасности. Преступник арестован и заключен в тюрьму».

Гельман кончил писать и изумленно посмотрел на Пинкертона.

– Вы серьезно считаете, что эту заметку необходимо поместить во всех газетах, мистер Пинкертон? – спросил он.

– Непременно! – сказал сыщик. – Это та ловушка, в которую завтра негодяй обязательно попадется.

– Хорошо, будь по-вашему!

Инспектор сделал необходимые распоряжения, а затем сказал:

– Вы, господин Пинкертон, вероятно, видели сегодняшний пожар, от которого сгорел фургон волосатого Вильяма. Владелец фургона – брат той женщины, в которую сегодня вечером стреляли. Теперь я еще больше убеждаюсь, что здесь замешана личная месть. Не исключено, что у брата и сестры есть какой-нибудь общий враг, который покушается и на их жизнь, и на их имущество.

– Вполне возможно... Однако меня удивляет, господин инспектор, как вы до сих пор не догадались, что это был за выстрел!

Инспектор пожал плечами:

– Должен признаться, я пока не уяснил себе...

– Но ведь вы, если не ошибаюсь, были на площади, когда горел фургон, – сказал сыщик. – Разве вы не слышали взрывов?

– Как же, слышал. Но владелец фургона объяснил мне, что там у него были хлопушки.

– Этот Вильям отъявленный дурак! Он вполне спокойно мог сказать, что у дверей и окон там у него были установлены патроны-самострелы.

Гельман крайне удивился:

– Странно! За этим что-нибудь кроется!

– Да, за этим нечто кроется, господин инспектор! Сказать вам, что именно?

– Пожалуйста, очень прошу вас!

Гельман напряженно ждал ответа.

– Хорошо, – серьезно сказал Пинкертон. – Но я убедительно прошу вас и всех присутствующих хранить пока полное молчание об этом. Итак, короче говоря, волосатый Вильям и «Тигр соборного праздника» – одно и то же лицо!

– Нельзя ли его сейчас же арестовать? – заторопился инспектор.

– Нет! У нас недостаточно улик. Они были бы у нас в руках, если бы не сгорело жилище Вильяма.

– Так вы хотите поймать его завтра на месте преступления?

– Конечно. Желая возместить потерю награбленных ценностей, он снова примется за свое. Завтра он прочтет, что «Тигр» будто бы пойман, что надзор с площади снят, и наверняка воспользуется благоприятными обстоятельствами, чтобы наверстать упущенное! Значит, завтра надзор с площади мы снимаем, а за палаткой Вильяма буду наблюдать я один.

– И вы надеетесь справиться с этим негодяем?

Пинкертон нахмурился:

– Я был бы просто заурядным сыщиком, и мне нечем было бы похвастаться, если бы я не мог справиться с такой задачей! Поэтому позвольте мне действовать в одиночку! Я обещаю вам завтра же доставить сюда этого мерзавца и прошу не предпринимать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение Вильяма.

На другой день Нат Пинкертон отправился на соборную площадь. Строгий надзор был полностью снят, во всех утренних газетах появилась заметка о поимке «Тигра». Народу на площади было больше, чем в предыдущие дни. Казалось, известие об аресте преступника совершенно успокоило публику.

Пинкертон снова исчез за палаткой Вильяма, около которой уже не было фургона. На его месте был нагроможден целый штабель ящиков, вероятно, приготовленных Вильямом для своего убогого инвентаря. Это было на руку сыщику. Быстро подняв крышку одного из ящиков, он забрался в него и, оставив маленькую щелку, стал внимательно наблюдать за палаткой.

Было уже около десяти часов вечера, когда полотно палатки медленно раздвинулось, и показалась голова Вильяма. Он осторожно озирался по сторонам, и прошло немало времени, прежде чем он решился вылезти, убедившись, что никого поблизости нет. Бесшумно прокрался он между ящиками, пригибаясь, как хищник. Едва он прошел мимо, Пинкертон выскочил из ящика и последовал за Вильямом, демонстрируя изумительную ловкость. Вильям часто

оглядывался, но ни разу ему не удалось заметить даже тени своего преследователя. Он тихо крался вдоль палаток, пока не достиг довольно широкой темной площади, на которой не было никаких построек. Здесь он спрятался за какой-то повозкой и стал поджидать добычу... Вдруг он вскочил и устремился вперед, размахивая тяжелым железным прутом.

Намеченной жертвой была молодая девушка, случайно очутившаяся вдали от людной дороги. Прежде чем Нат Пинкертон подбежал на помощь несчастной, негодяй ударом прута повалил ее на землю. Но на этот раз Вильяму не удалось полностью оглушить свою жертву. Девушка глухо застонала и попыталась подняться, напрягая последние силы. Вильям с проклятием вытащил остро отточенный нож, намереваясь вонзить его в ее грудь. В этот момент Пинкертон схватил преступника за шиворот и ловким ударом опрокинул на землю.

Удар сыщика был так силен, что Вильям потерял сознание. Пинкертон немедленно защелкнул на нем стальные наручники.

Когда преступник, наконец, очнулся, Пинкертон доставил его и девушку в полицию.

В ту же ночь была арестована и Мария Вильям как соучастница преступлений своего брата. Он был приговорен к пятнадцатилетнему заключению, а сестра его отделалась семью годами.

Через несколько дней Нат Пинкертон уехал в Нью-Йорк, провожаемый восхищенными благодарностями инспектора Гельмана.

Кровавый алтарь

Глава 1

Редкая конкуренция

Нат Пинкертон сидел в своей конторе и читал газету. Его взгляд остановился на одном объявлении, и по губам его скользнула насмешливая улыбка. Это было объявление, напечатанное жирным крупным шрифтом и занимавшее почти четверть газетной страницы. Пинкертон нажал кнопку звонка.

Боб Руланд тотчас вошел в кабинет и спросил:

– Что прикажете?

– Подойди поближе, Боб, и полюбуйся на это странное объявление. А потом скажи мне откровенно, что ты о нем думаешь.

Боб подошел к столу и, взяв в руки газету, вполголоса прочел большое, окаймленное толстой черной рамкой объявление:

«Внимание! Сыскная контора „Справедливость“!

Единственное вполне современное учреждение! Преследование преступников, охрана частных лиц, раскрытие мрачных тайн на строго религиозной почве. До сего времени – исключительный успех. Низкие цены, быстрое исполнение. Адрес: Марк-стрит, 234, пятый этаж. К. Мак-Берри, директор».

Боб опустил газету и в недоумении посмотрел на своего начальника. Затем он расхохотался и презрительно бросил газету на пол.

– Это просто восхитительно! – воскликнул он. – Я думаю, что нам скоро придется сложить оружие перед такой конкуренцией. Народ, наверное, толпами побежит туда. Ведь ничего подобного еще не бывало. «Преследование преступников на строго религиозной почве»! Этим сказано все! Сыщик, преследующий преступника с Библией в руке и боящийся задеть хоть один волосок на его голове, – это ведь прелестно, такого действительно еще не бывало на свете!

– Не обернулась бы эта прелесть трагедией... – произнес Пинкертон серьезным тоном.

– Ну, не думаю, шеф, – возразил Боб. – Похоже, что эта достолавная контора обязана своим существованием какой-нибудь благочестивой секте, которая со священным трепетом заметила, что нехорошие сыщики не всегда учтиво обращаются с бедными преступниками. И вот эта секта решила прийти на помощь гонимым и арестовывать их при поддержке священных текстов, благочестивых брошюр, мягкостью и убеждением! Во всяком случае, мистер Мак-Берри – святоша весьма оригинальный, и неплохо было бы познакомиться с этим господином поближе.

Нат Пинкертон кивнул.

– В этом ты прав, и я обязательно займусь этой историей. И я вовсе не склонен рассматривать это объявление с юмористической точки зрения. Именно «строго религиозная почва» наводит меня на мысль, что какая-то банда задумала все это, чтобы пожить. Я намерен серьезно и досконально расследовать это дело. Если твое предположение справедливо, – а это не исключено, – тогда Господь с ними: пусть они себе продолжают свою криминально-религиозную деятельность, я не буду мешать. Но если за этим благочестивым обществом скрывается кое-что другое, – тогда извините!

Боб тоже стал серьезным. Он понял, что его шеф в очередной раз преподавал ему урок: настоящий сыщик ни к какому делу не должен относиться так легкомысленно.

Тут Нату Пинкертону доложили, что какая-то дама желает с ним говорить. На визитной карточке стояло: мисс Леони Франк.

– Ага, это, должно быть, дочь мистера Гаральда Франка, который пропал без вести около недели тому назад. Я долго ждал, чтобы кто-нибудь обратился ко мне по поводу этого исчезновения, – и напрасно. Так всегда бывает: люди являются за помощью лишь в крайнем случае, в самый последний момент.

При появлении молодой элегантно одетой дамы сыщик встал, вежливо поздоровался и предложил ей стул. Она села, подняла вуаль, и он увидел бледное красивое лицо с большими синими глазами.

– Вы, верно, уже слышали о деле, по которому я пришла к вам? – спросила она приятным мелодичным голосом.

Речь идет о бесследном исчезновении вашего отца, – ответил он. – Если не ошибаюсь, это случилось восемь дней назад?

– Совершенно верно, – сказала она, несколько смутившись.

– Почему вы не обратились ко мне раньше?

– В день исчезновения отца ко мне явился директор другой сыскной конторы, который убедил меня поручить ему ведение этого дела.

– Позвольте спросить: что это за контора?

– Она называется «Справедливость», а ее директора зовут Мак-Берри.

– И вы обратились ко мне потому, что эта контора до сего времени не добилась успеха?

– Да, мистер Пинкертон. По крайней мере, у меня такое впечатление, хотя Мак-Берри ежедневно твердит мне, что уже напал на след. Я вынуждена впустую тратить огромные деньги. Вообще все это довольно неприятно. Я потеряла всякое доверие к мистеру Мак-Берри.

– Вам не следовало вовсе принимать его предложение, мисс Франк, – серьезно заметил сыщик. – Вы хорошо сделали, что обратились ко мне.

– Но я не должна была этого делать! – возразила она. – Я дала обещание мистеру Мак-Берри не обращаться ни в какую другую сыскную контору. Он на этом особенно настаивал!

– Вот как? И ко мне он не советовал обращаться? В каких же выражениях?

– Он говорил, что вам важно лишь любой ценой перещеголять других, и что рассчитывать на вашу помощь ни в коем случае нельзя. Он даже требовал, чтобы я дала клятву в часовне, принадлежащей его секте, о том, что не изменю ему.

– Значит, он вам говорил, что принадлежит к какой-то секте?

– Да, он сказал, что его контора основана сектой. Бог уже осенил их своей благодатью, без имени Божьего они не предпринимают ни одного дела и обязательно хотят, чтобы клиенты, нуждающиеся в их помощи, вступали в их секту хотя бы на время расследования, которое проходит успешнее, если обе заинтересованные стороны совместно возносят свои молитвы... Этот фанатик взял с меня обещание, что я в назначенный день вознесу у алтаря его часовни особую молитву к Богу, дабы он даровал нам свое милостивое содействие.

Нат Пинкертон недоверчиво покачал головой.

– Этот Мак-Берри производит странное впечатление... И преступников он отслеживает оригинальным способом. Однако не думаю, что его способ приносит положительные результаты.

– Но он рассказывал мне о многих делах, успешно проведенных конторой «Справедливость»...

– Мне отлично понятны мотивы, которыми он при этом руководствовался, – заметил Пинкертон. – Значит вы, мисс Франк, пришли, чтобы поручить мне это дело, и чтобы я расследовал обстоятельства исчезновения вашего отца?

– Да, – подтвердила она.

– В таком случае я прошу вас быть со мной совершенно откровенной и не утаивать от меня ни одной мелочи. Вы согласны?

– Конечно! Охотно расскажу вам обо всем, ибо полностью вам доверяю.

– Сколько лет было мистеру Гаральду Франку?

– Шестьдесят два.

– Как велико его состояние?

– Его можно оценить, по крайней мере, в три миллиона долларов.

– Составил ли он завещание?

– Как же, – составил.

– И вы, конечно, его наследница?

– Мне не досталось ни единого доллара: наследником объявлен мой двоюродный брат Чарлз Тальбот...

– Вот этого я не понимаю! – воскликнул Пинкертон. – Вы, единственная дочь Франка, не получите ни доллара?

– Тем не менее, это факт, – подтвердила она. – Отец потребовал, чтобы я вышла замуж за его племянника Чарлза. И я уже обручена с ним. Ему и переходит все состояние, но с тем условием, что если Тальбот не сдержит слова или умрет, наследницей становлюсь я.

– Значит, этим завещанием отец принуждает вас выйти замуж за вашего двоюродного брата?

– Принуждения тут, в сущности, нет: мы любим друг друга и счастливы, что скоро обвенчаемся...

– Теперь мне ясен смысл завещания, – заявил сыщик. – Ваш двоюродный брат живет здесь, в Нью-Йорке?

– Нет. Он офицер и служит на канадской границе. Из-за него у меня даже произошла крупная размолвка с инспектором Мак-Конеллом.

Нат Пинкертон слегка улыбнулся. Он уже догадывался, в чем дело.

– Подумайте только! – продолжала мисс. – Он осмелился подозревать моего двоюродного брата...

– Неужели он допускает, что он имеет отношение к исчезновению вашего отца?

– Вот именно. И хотя я энергично протестовала, он предпринял кое-какие розыски, которые, разумеется, ни к чему не привели... Моего жениха задержали по служебным делам, и он не смог освободиться, так что приедет лишь завтра.

– Все, что вы мне сейчас рассказали, вы говорили, конечно, и мистеру Мак-Берри?

– Да, – ответила она. – Этот сыщик осведомлен о некоторых моих семейных делах.

– Значит, он заранее навел справки? – заметил Пинкертон. Он все более убеждался в том, что этот благочестивый сыщик вовсе не так уж благочестив, и окончательно решил познакомиться с ним поближе.

– Известно ли мистеру Мак-Берри, когда приедет ваш двоюродный брат?

– Конечно! Я сказала ему, что брат приедет завтра после полудня на Центральный вокзал.

– А что он ответил вам на это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.